Маршал Георгий Константинович Жуков (Записки врача)

Георгий Константинович Алексеев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Алексеев Георгий Константинович, кандидат медицинских наук, генерал-майор медицинской службы в отставке.

- Алексеев Георгий Константинович
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

Алексеев Георгий Константинович Маршал Георгий Константинович Жуков (Записки врача)

Судьба свела меня с выдающимся полководцем нашего времени совершенно случайно. Я тогда работал в Главном военном госпитале имени Н.Н.Бурденко, возглавлял кардиологическое отделение. Здесь же трудилась старший ординатор терапевтического отделения Галина Александровна Семенова, жена маршала. Однажды, дело было в 1965 году, она подошла ко мне: "Может быть, посмотрите Георгия? Что-то с сердцем у него неладно."

Такая просьба, конечно, меня озадачила. Было известно, что маршал находится на медицинском наблюдении в Кремлевской больнице. Хотя он и в опале, но вмешиваться в лечение такого именитого пациента казалось некорректным по отношению к коллегам Кремлевской больницы. С другой стороны, не хотелось и отказывать всеми уважаемой Галине Александровне. Посоветовавшись с руководством Центрального военно-медицинского управления, я согласился.

На даче маршала я был встречен сдержанно. На вопросы он отвечал кратко, неохотно рассказывал о перенесенных ранее заболеваниях. Из медицинской книжки и архивных историй болезни удалось установить, что боли в области сердца и за грудиной, а также периодические головные боли и легкие головокружения он стал отмечать с 1947–1948 гг. При диспансерном и стационарном обследовании была выявлена ишемическая болезнь сердца и начальный атеросклероз церебральных артерий. Рекомендованный врачами режим ограничения физических нагрузок маршал соблюдал не всегда, продолжал систематически заниматься физкультурой (утренняя зарядка, верховая езда, лыжи, охота, рыбная ловля и др.)

В годы Великой Отечественной войны он выполнял ответственную и напряженную работу, руководил многими большими военными операциями в качестве первого заместителя Верховного Главнокомандующего. По окончании войны маршал несколько лет командовал крупными военными округами, в течение двух лет был министром обороны. В 1957 году он выезжал с государственным визитом в Индию, в конце того же года был снят с должности и уволен в отставку.

В 1954–1956 гг. маршал лечился в стационаре по поводу

обострения хронического холецистита и панкреатита, в послевоенные годы неоднократно был консультирован ведущими специалистами страны, обследовался в стационарах.

Последние две недели он находился на домашнем режиме в связи с участившимися болями в груди. Повторные ЭКГ-исследования особых тревог у лечащих врачей не вызывали.

Некоторые особенности болевого синдрома не позволяли мне полностью исключить осложненное течение ИБС. Было решено применить расширенное электрокардиографическое исследование, апробированное в те годы в госпитале. Исследование было проведено госпитальным доктором М.Д.Момотом и выявило изменения, характерные для ограниченного размера инфаркта миокарда, протекавшего атипично (ноябрь 1965 г.). По желанию больного, согласованному с врачами Кремлевской поликлиники, он был госпитализирован в Центральный военный госпиталь им. Мандрыки. Заболевание протекало без осложнений, после госпиталя Георий Константинович для закрепления результатов лечения был переведен в военный санаторий «Архангельское».

Много позже выяснилось, что в январе 1948 г. Георгий Константинович, по словам родственников, лечился недели три в стационаре якобы по поводу инфаркта миокарда, а в феврале того же года, выписавшись из госпиталя, сразу же выехал в Свердловск к новому месту службы. Такой диагноз вызывает определенные сомнения, так как в те годы по медицинским канонам сроки лечения при этом заболевании были значительно более длительными. Скорее всего, он перенес тогда обострение хронической коронарной недостаточности, связанное со стрессовой ситуацией (чекистские обыски, отстранение от должности командующего Одесским военным округом). Каких-либо медицинских документов об этом эпизоде обнаружить в архивах не удалось.

С этого времени и начались мои встречи с маршалом, причем вначале я был как бы советчиком жены маршала, Галины Александровны, и не общался непосредственно с терапевтом Кремлевской поликлиники. В дальнейшем я приобрел статус врача — представителя Министерства обороны и наши деловые взаимотношения с кремлевскими врачами все девять лет до кончины маршала никогда не омрачались какими-либо недоразумениями.

После перенесенного инфаркта миокарда самочувствие Георгия Константиновича быстро улучшилось, он продолжал активный образ жизни: выезжал вместе с двоюродным братом М.М.Пилихиным на рыбалку, изредка на охоту, много времени

проводил в дачном саду, побывал в санатории в Прибалтике, посещал московские театры и т. п.

По окончании Великой Отечественной войны Георгий Константинович неоднократно подвергался опале, в которой, по мнению историков (Н.Г.Павленко и др.), можно условно выделить три периода: 1946–1953 гг., 1957–1965 гг. и 1967–1974 гг., т. е. почти 25 из 28 лет после завершения войны.

Мои контакты с маршалом пришлись на конец второго и третий периоды опалы. В эти годы маршал находился в обстановке общественной изоляции и негласного надзора, под давлением сфабрикованных тяжких политических обвинений, и практически лишился возможности свободного общения со многими друзьями и товарищами, остерегавшимися контактов с поднадзорным из-за постоянной угрозы собственной карьере.

Конечно, наиболее близкие друзья и соратники, маршалы А.М.Василевский, И.Х.Баграмян, С.И.Руденко, генералы Н.А.Антипенко, И.И.Федюнинский, А.П.Белобородов и др. не отвернулись от Георгия Константиновича и продолжали по-прежнему общаться с ним, но и эти контакты на первых порах были ограничены. Так, зная о слежке, Георгий Константинович говорил, что контакты с Василевским после октябрьского (1957 г.) пленума ЦК были только по телефону или через сына Василевского, дабы не дать повода "каким-нибудь фантазерам" подумать, что два маршала затевают заговор![1]

Пожалуй, чаще всех в доме Жукова бывал Н.А.Антипенко с женой. Он помогал в решении хозяйственных вопросов, сопровождал в поездках в санаторий, принимал деятельное участие в проведении семейных торжеств.

Мне было известно, что у Георгия Константиновича хорошие взаимоотношения с председателем Совета министров А.Н.Косыгиным. Знал, что в праздничные дни они обмениваются нетрафаретными поздравлениями. Однажды вечером, когда я был в Кремлевской больнице, Косыгин приехал навестить маршала. Разговор у них продолжался довольно долго. Дежурный врач попросил меня доложить ему о состоянии больного, ответить на вопросы, если они будут. В беседе с Косыгиным я почувствовал, что состояние больного его по-настоящему волнует.

Властям, однако, не удалось добиться полной общественной изоляции маршала. Отношение народа к нему, народная молва, которая еще во время войны признала его великим патриотом своей родины и народным героем, оказались сильнее. Поэтому, когда маршала вдруг пригласили на торжественное собрание по поводу XX годовщины Победы (1965 г.) и впервые за восемь лет с трибуны было названо имя Жукова, в зале стихийно возникла

бурная овация. В эти дни в некоторых западных журналах на лицевой стороне обложек появились большие фотографии маршала с женой, входящих в Кремлевский дворец съездов.

Вечер того же дня Жуков провел в писательском клубе. Когда он вошел со своей женой в Дубовый зал клуба, все встали, раздались крики "Жукову ура!". Георгий Константинович приложил руку к сердцу, сказал, что он приветствует всех и поздравляет.

Он занял место в президиуме торжественного банкета рядом с нашими известными писателями К.М.Симоновым, С.С.Смирновым, С.В.Михалковым, Б.Н.Полевым. Снова раздались выкрики: "Жукову слово!" Он поднялся и произнес краткую приветственную речь. Многие присутствующие в зале в этот вечер получили его автограф на пригласительном билете. Подобное не раз повторялось при появлении Жукова в театре, зрители, узнавая его, вставали, приветствовали аплодисментами.

Георгий Константинович рассказывал, как тепло его встретили в партийной организации электромашиностроительного завода "Память революции 1905 г.", куда он был прикреплен после того, как был снят с партийного учета в Министерстве обороны. Коммунисты завода, простые люди, окружили его вниманием, хорошо понимая сложившуюся ситуацию. Когда через некоторое время ему разрешили перейти снова на партийный учет в Министерство обороны, он, по понятным причинам, категорически отказался.

Военным историкам, работавшим над написанием "Истории Великой Отечественной войны", дали команду "обойтись без Жукова", однако спустя годы стала ясной абсурдность этого положения. В середине 60-х годов появился активный интерес к работам Г.К.Жукова по истории войны. Его статьи стали печатать в Военно-историческом журнале, редакция журнала приглашала его на обсуждение некоторых статей на своих заседаниях. Он с блеском выступил с докладами в переполненных аудиториях Института истории и Института государства и права Академии наук СССР.

В связи с 25-летием битвы под Москвой в Центральном доме Советской Армии состоялась научная конференция. Когда организаторы конференции (Московская партийная организация) «забыли» пригласить Жукова, это сделало руководство Института истории партии. После того, как Г.К.Жуков вместе с К.К.Рокоссовским появились в зале, собравшиеся потребовали посадить маршалов в президиум и предоставить слово Жукову.[2]

Заметно оживились в этот период времени и журналисты, писатели, историки, кинематографисты, зачастившие на дачу к

маршалу. Мне пришлось быть свидетелем длительной беседы маршала с Константином Симоновым и киносъемки. Фильм "Если дорог тебе твой дом" снимался на даче, так как съемку в Перхушкове, где во время битвы под Москвой находился штаб командующего Западным фронтом, не разрешили.

В общем, казалось, что опала стала ослабевать. К тому же в 1971 году Георгий Константинович избирается делегатом XXIY съезда партии от Московской областной партийной организации. Однако реальная возможность присутствия хотя бы на открытии съезда не была предоставлена. Брежнев отказал жене Жукова — члену партии — в гостевом билете для сопровождения не совсем окрепшего после болезни маршала. Георгий Константинович тщательно готовился к этому важному для него событию и нелегко пережил отказ. В народе говорили, что партийному руководству тяжело было бы видеть овации, обращенные к опальному маршалу.

Об отношении к маршалу в среде работников центрального партийного аппарата может говорить такой мелкий штрих: как-то в одной из центральных газет я прочел пространную статью с описанием ареста Л.Берия. Изложенное значительно отличалось от того, что я слышал раньше из уст самого исполнителя этой акции Г.К.Жукова. Я поделился этим с весьма уважаемым замполитом нашего Центрального военно-медицинского управления, недавно пришедшим на эту должность с поста ответственного работника аппарата ЦК КПСС. Я спросил его, не следует ли сообщить в редакцию газеты об этих, мягко говоря, неточностях. "Ну, что вы! — удивился замполит. — Ведь существует много различных версий этого события!" Стало быть, рассказ Г.К.Жукова являлся не более, чем "одной из версий"!

Все версии этого события подробно рассмотрены В.В.Карповым,[3] в том числе и, по-видимому, приписываемые Жукову журналистским пером. В заключение автор изложил все происходившее так, как это было написано в записных книжках Г.К.Жукова, и это описание полностью соответствует тому, что я слышал из уст маршала.

В 50-е годы Георгий Константинович начал собирать материалы для задуманных им мемуаров. С этой целью он часто ездил в Подольский Центральный архив Министерства обороны и в Генеральный Штаб. В печати появились его первые публикации, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Две такие работы, опубликованные одна в книге "Провал гитлеровского наступления на Москву" (1966 г., большая статья "Первое стратегическое поражение вермахта"), и другая — "На Курской дуге" в "Военно-историческом журнале" NN 8 и 9 за 1967 г.,

маршал подарил мне с теплой дарственной надписью. Сделал он это, как мне показалось, с некоторой авторской гордостью.

Первая статья была примечательна тем, что подытоживала жесткую полемику автора с маршалом И.С.Коневым по истории величайшего сражения под Москвой, ставшего стратегическим поражением вермахта в минувшей войне.

По инициативе издательства Агентства печати «Новости» (АПН) маршалу было предложено издать его воспоминания о Великой Отечественной войне. Переговоры с автором на эту тему проводила будущий редактор его книги Анна Давыдовна Миркина. В августе 1965 года состоялось подписание договора с АПН на издание книги "Воспоминания и размышления".

Работа над книгой, подводившей итоги его жизни, стала делом, которому он должен был отдать теперь всю свою энергию, все свои силы, огромный военный опыт и знания. Работал он над рукописью увлеченно, со страстью и упорством, свойственным его натуре, порой преодолевая значительные трудности, чинимые нередко цензорами и консультантами. А.Д.Миркина оказала огромную помощь в подготовке рукописи.

Мне пришлось на протяжении многих лет быть невольным свидетелем титанического труда Георгия Контантиновича. Он категорически отказался от предложенной ему литературной помощи со стороны наших известных писателей Константина Симонова и Сергея Смирнова, заявив: "Книгу я должен написать сам". Поражала его высочайшая ответственность за свой труд, его неприятие каких-либо отклонений от правды.

Работая над книгой, Георгий Константинович не раз говорил о том, какое значение он придает правдивости описания событий. Было очевидно, что он искренне стремится к этому, что и в жизни, в общении с друзьями он не переносит любой лживости даже по пустякам. Могу привести один пример. В течение ряда лет он поддерживал отношения с одним ученым-медиком. Однажды его знакомый не пришел на условленную встречу, объяснив это неожиданной занятостью в клинике. Его жена, по-видимому, не зная объяснения мужа, через 2–3 дня в присутствии маршала с восторгом рассказывала, какой интересный спектакль они смотрели в театре в тот день. После этого случая все отношения между ними были прерваны навсегда.

Лишь однажды ему пришлось пойти на сделку с собственной совестью, когда стало ясно, что если в книге не будет упомянуто имя Л.И.Брежнева, бывшего начальника политуправления одной из армий, возможность ее издания ставится под сомнение. При подготовке 10-го издания (1990 г.) в личном архиве маршала был обнаружен оригинал первой рукописи автора без изъятий,

произведенных цензурой. При участии дочери маршала Марии Георгиевны нанесенный книге ущерб был устранен, авторский текст восстановлен в этом и последующих изданиях.

Годы работы над книгой стали для Георгия Константиновича порой большого душевного подъема. Находясь в изоляции от общества, он почувствовал, что еще нужен людям, и это стало величайшим стимулом для сопротивления развивающейся болезни.

Не помешал работе над книгой и перенесенный Георгием Константиновичем инфаркт — рукопись была сдана в издательство в срок (1966), теперь совместно с издательством продолжалась работа над текстом, также требовавшая немалых усилий. Самочувствие маршала в этот период оставалось удовлетворительным, хотя изредка он жаловался на нерезкие боли в области сердца и иногда на головную боль. Эти симптомы по-прежнему были связаны с атеросклеротическим процессом. О каком-либо перерыве в работе или снижении темпа завершения подготовки книги к изданию не могло быть и речи.

После направления рукописи в издательство прошло три года, можно сказать, бурных событий — не только различных правок и изъятий, произведенных рецензентами и цензорами и часто сопровождавшимися утомительными для автора дискуссиями, но и прямым противодействием вообще изданию книги со стороны главных идеологов партии — М.А.Суслова, А.А.Епишева и др. В конце концов книга была издана, хотя и с запретом каких-либо открытых ее обсуждений, в том числе и в печати.

В апреле 1969 г. книга поступила в продажу. Я не мог скрыть радости, когда вскоре получил ее из рук Галины Александровны в подарок с дарственной надписью автора. Приобрести ее тогда было практически невозможно, она при поступлении в магазины немедленно раскупалась, несмотря на повторные большие тиражи.

И вот в июне 1967 года, несмотря на активную лекарственную терапию, у Георгия Константиновича развивается повторный инфаркт миокарда, который, к счастью, как и первый, протекает без осложнений.

На этом печальные для маршала события не прекращаются. В конце года заболела Галина Александровна, ей потребовалась серьезная онкологическая операция, которую выполнил известный онколог академик Н.Н.Блохин в Центральном военном госпитале им. Мандрыки. Уже в ходе операции выяснилось, что проводится она слишком поздно. Взволнованный происшедшим, с тяжелым настроением Георгий Константинович, в сопровождении

матери Галины Александровны, Клавдии Евгеньевны направляется в санаторий «Архангельское», где они с большой тревогой ежедневно ждут нерадостных известий из госпиталя.

В один из этих дней я был в санатории, зашел к маршалу. Он был напряжен, мрачен, сказал мне, что страшно переживает за исход операции. О себе между прочим заметил, что стал чувствовать какую-то неуверенность при ходьбе, назначен на консультацию к невропатологу. А через несколько дней произошла катастрофа — тяжелейший ишемический инсульт. Срочный консилиум с участием профессоров Е.И.Чазова, Е.В.Шмидта и других специалистов высшего класса признал абсолютно необходимой немедленную эвакуацию больного в реанимационное отделение Кремлевской больницы, что и было выполнено с максимальными предосторожностями на специальной реанимационной машине. В больнице началась буквально борьба за жизнь. В течение нескольких дней состояние больного было критическим, принимались героические меры вплоть до введения недавно созданного в стране тромболитического препарата с целью восстановления проходимости мозгового сосуда. Заболевание протекало тяжело, с осложнениями. Лечение в больнице, а затем в санатории «Барвиха» заняло более восьми месяцев. Главная цель была достигнута, жизнь спасена, умственная деятельность полностью сохранена, однако некоторые последствия инсульта остались. Самым тягостным из них оказалось поражение центрального ядра тройничного нерва, сопровождающееся упорными и интенсивными болями в левой половине лица, глазнице, височной области.

На протяжении почти всех последующих пяти лет велась борьба с этим осложнением, в ней принимали участие лучшие силы страны, привлекались также и зарубежные специалисты. Сначала применялись различные болеутоляющие препараты, но особого эффекта они не дали. При особенно сильных болевых приступах у врачей возникало желание использовать наркотические средства, но больной от них решительно отказывался, зная, что к наркотикам быстро возникает привыкание. Дополнение физиотерапии, новокаиновых блокад оказалось также неэффективным. На смену этим методам пришло иглоукалывание (акупунктура). Использовались различные московские и ленинградские методики акупунктуры, иногда наблюдался временный эффект, а затем все начиналось сначала.

По просьбе Галины Александровны были установлены контакты с Ленинградским химико-фармацевтическим институтом, из которого был приглашен один из пропагандистов

Тибетской медицины в России, потомок Сультима Бадамаева (после крещения Александр Александрович), прославившегося успешным участием в ликвидации эпидемии брюшного тифа под Читой в XYIII столетии. Тибетские ламы в те годы владели средствами борьбы со многими острыми заразными заболеваниями. По свидетельству Б.Камова (2001 г.)[4] в лечении маршала принимал тогда участие живший в Бурятии Галдан Ленкобоевич Ленкобоев.

Как известно, врачебная наука Тибета базировалась на изучении функции шишковидной железы человека (glandula pineale) и определении различных оттенков пульса человека. Созданное в Петербурге научное общество, руководимое братьями Бадмаевыми, предложило правительству открыть в Петербурге клинику и аптеку Тибетской медицины, обещая за это раскрыть секреты тибетских рецептур. Однако их предложение не было принято. Не были реализованы и более поздние попытки организации серьезного научного изучения методов Тибетской медицины.

Повторное применение тибетских трав (порошки под разными номерами), доставленных для маршала из Ленинграда, заметного эффекта не оказали. Также без эффекта применялся модный тогда препарат мумие.

Несмотря на мучительные лицевые боли, Георгий Константинович не прекращает работу по подготовке второго издания книги, отвечает на замечания консультантов, на письма читателей, вносит дополнения и исправления в рукопись.

На очередном медицинском консилиуме принимается решение о приглашении на консультацию японского специалиста по иглотерапии профессора С.Окабэ, применяющего оригинальный метод акупунктуры меридианов (отношения нашей страны с родиной акупунктуры Китайской Народной Республикой в то время переживали не лучший период). Японский специалист в 1973 г. трижды приезжал в Москву, каждый раз в течение 2-3-х недель проводил курс лечения, которое затем продолжалось по его методике отечественными специалистами. Нужно сказать, что иглотерапия была более эффективной, чем все предыдущие средства, но получаемый эффект был недостаточно стойким.

Попытки найти лучший способ избавления больного от страданий продолжались. Нейрохирурги осторожно высказались о желании тщательно рассмотреть возможности хирургического вмешательства (профессор А.И.Арутюнов). В широком консилиуме приняли участие видные французские ученые нейрохирург Ж.Гийо и невропатолог П.Рондо. В результате обсуждения возможность хирургического лечения была

полностью отклонена, предложены некоторые французские препараты в сочетании с психотерапевтическими мероприятиями. Последующее применение предложенных препаратов также не внесло существенных изменений в общую ситуацию.

Этот консилиум проходил на даче маршала 23 мая 1971 г., он запомнился всем его участникам необычным началом: профессор Ж.Гийо преклонил перед Жуковым колено и сказал: " Я польщен знакомством с Вами и рад, что имею честь видеть человека, спасшего Европу от фашизма". Консилиум продолжался около пяти часов, а в завершение его Ж.Гийо сел за рояль и с блеском исполнил кантату собственного сочинения, посвященную разгрому гитлеровских фашистов.

Свой очередной удар судьба нанесла Георгию Константиновичу 13 ноября 1973 г. — скончалась Галина Александровна. В течение года ее состояние прогрессивно ухудшалось, при очередном рентгенологическом обследовании были выявлены множественные двусторонние очаговые затемнения в легких, поначалу казавшиеся метастазами опухоли. К счастью патологические тени в легких оказались воспалительными (пневмоническими) очагами, исчезнувшими под влиянием антибиотиков. Галина Александровна вскоре выписалась из больницы домой и прожила еще около двух месяцев.

В день кончины любимой жены Георгий Константинович сказал: "Этого мне уже не пережить". С помощью маршала И.Х.Баграмяна и генерала армии И.И.Федюнинского он вместе с дочерью приехал на прощание с супругой в траурный зал, но добраться до кладбища уже не мог.

Все последующие дни он пытался восстановить свои силы, пробовал работать над книгой, но горе было слишком велико, побороть его он не мог. Весь декабрь этого года прошел в неравной борьбе с болезнью, а 24 декабря состояние резко ухудшилось и с признаками повторного нарушения мозгового кровообращения Георгий Константинович был срочно доставлен в больницу. Только к апрелю следующего года было достигнуто некоторое улучшение, больной осторожно тренировался в ходьбе. Казалось, что в ближайшие дни он может быть отпущен на дачу под наблюдение врачей, но в ночь на 20 апреля 1974 г. развился повторный (3-й) инфаркт миокарда, а 25 мая наступила клиническая смерть. Реанимационные мероприятия позволили восстановить сердечную деятельность, но сознание не вернулось. Исскуственное дыхание продолжалось еще почти 25 дней. 18 июня 1974 года сердце остановилось окончательно. Так закончилась жизнь великого полководца.

Георгий Константинович Жуков был выдающейся личностью, основные черты которой проявлялись не только на полях сражений, но и в обыденной жизни. Благодаря величайшей, поистине несгибаемой силе воли он преодолел сильнейший удар, нанесенный ему пленумом ЦК в октябре 1957 года, обвинившим его в подготовке заговора с целью захвата власти. Решение пленума, казалось, обрекало его на бездеятельность и постепенное угасание. Трудно себе представить, но изоляция его от общества была настолько «эффективной», что даже через десять лет среди офицерского корпуса страны не удалось найти офицера-спецредактора для первого издания книги, так как все, кому издательством предлагалась эта работа, категорически отказывались, опасаясь пагубных последствий для себя ("смельчак" нашелся через несколько лет лишь для второго издания книги!)

По единодушному мнению всех врачей, принимавших участие в лечении маршала после развития инсульта, он выжил после этой катастрофы, а главное, смог продолжать напряженную работу над рукописью только благодаря своей необыкновенной силе воли и упорству. Он сумел не потерять себя, не сломаться, а преодолеть с огромным усилием тяжелый недуг. Поэтому же, страдая столько лет мучительными лицевыми болями, он ни разу не разрешил ввести наркотик. Таков был его характер.

В общении с врачами Георгий Константинович чаще бывал сдержан, даже суров, но никогда не позволял себе грубости, повышения голоса. Однажды в больнице, в один из трудных для себя дней, увидев меня в составе консилиума, он подозвал заведующего отделением и спросил, почему я здесь. Тот объяснил и передал это мне. Я понял, что мое присутствие в больнице ему чем-то не приятно, и перестал там бывать. Недели через две, поздно вечером, звонит мне домой дежурный врач Кремлевской больницы и говорит, что маршал просит меня сейчас приехать к нему. Приезжаю, встречает приветливо и, как ни в чем не бывало, просит послушать его сердце, посмотреть живот в связи с появившимися неприятными ощущениями. Я, обследовав его, успокоил, рекомендовал принять что-то из лекарств. Вскоре неприятные ощущения исчезли.

В другой раз, вскоре после того, как мне было присвоено очередное воинское звание, я в новой форме появился на даче. Смотрю, Георгий Константинович — ни жеста, ни звука, будто и не замечает, что я в другом обличии, пока Галина Александровна не обратила его внимание: "Георгий, а почему ты не поздравишь Георгия Константиновича?" Лишь после этого он пожал мне руку. Что это — ревность к нам, живущим нормальной жизнью, или

горечь своей оставленности? Так и осталось для меня неясным.

В периоды относительного благополучия Георгий Константинович мог быть простым и близким. Помню, как в первые месяцы знакомства он мне предложил: "Пойдемте, прогуляемся по территории, посмотрите, какая у нас дача". Не торопясь походили по довольно большому яблочному саду, он показал мне бывшую конюшню, площадку для верховой езды, русскую баню, недействующий фонтан, двухэтажный домик у въезда на дачу, в котором некоторое время жил его двоюродный брат М.М.Пилюхин с женой. Во время прогулки я спросил, почему дачу у него не отобрали.

Он сказал, что Хрущев не решился пока этого сделать, так как дача передана маршалу Жукову пожизненно постановлением Государственного Комитета Обороны за оборону Москвы (когда он скончался, во время похорон теще Клавдии Евгеньевне и дочери Маше было предложено дачу немедленно освободить).

Иногда Георгий Константинович отвлекался на какие-то случайные темы. Например, при моей командировке в Англию он неожиданно попросил уточнить там статут одного из высших орденов Великобритании — ордена Бани, кавалером которого он являлся. Орден был основан в 1399 г., название получил в связи с тем, что новопосвященных рыцарей было принято купать в воде. Все положения статута ордена касаются только гражданина Великобритании.

Георгий Константинович никогда не был меркантильным человеком и, будучи в опале, он всегда откликался на бытовые просьбы, адресованные к нему, чаще всего через Галину Александровну, от медсестер или санитарок госпиталя, от других лиц. Характерно, например, что в послевоенные годы он приобрел небольшую дачу за непомерную по тому времени цену, а вернувшись на государственную дачу, он продал ее за бесценок нуждающемуся офицеру.

При нечастых беседах с Георгием Константиновичем на немедицинские темы мы иногда затрагивали проблемы минувшей войны и его отношения с И.В.Сталиным (после XX съезда партии с известным докладом Хрущева прошло уже много лет). О Сталине Георгий Константинович говорил неизменно с уважением, называл его выдающимся организатором, который "своей жесткой требовательностью добивался, можно сказать, почти невозможного". В то же время, говоря о его ошибках и просчетах, маршал подвергал Сталина критике куда более резкой, чем говорилось в его книге. Спросить автора о причинах этого мне казалось не удобным.

Ответ на такой вопрос был получен через 13 лет, когда

вышло в свет 10-е издание книги Г.К.Жукова (о нем уже упоминалось). Тогда выяснилось, что из рукописи книги первых изданий был изъят ряд страниц, содержащих суровую критику И.В.Сталина.

В частности автор писал, что распространенное мнение о полководческих качествах Сталина было ошибочным,[5] что Сталин не был выдающимся военным мыслителем, что он слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве,[6] что благодаря беспринципной подозрительности Сталина в предвоенные годы развернулась клеветническая эпидемия с разгромом руководящих, в том числе военных, кадров.[7]

Пренебрежение Сталина к данным внешней разведки привело к грубейшим просчетам в отношении угрозы войны; даже военное руководство страны не имело полного доступа к разведывательной информации.[8] Когда однажды я спросил Георгия Константиновича, почему он, будучи начальником Генштаба, не реагировал должным образом на важнейшие донесения нашего разведчика Р.Зорге, Георгий Константинович ответил, что о существовании Зорге он сам узнал только из кинофильма (!).

Некоторые поступки Сталина в отношении Жукова трудно объяснимы. Георгий Константинович рассказывал, что после взятия Берлина он не знал, что в саду имперской канцелярии был обнаружен и опознан труп Гитлера. Он узнал это лишь через двадцать лет, в 1965 году, из книги участвовавшей в опознании трупа военного переводчика Е.М.Ржевской "Берлин, май 1945".

Для Жукова явилось полной неожиданностью, что работники НКВД засекретили этот факт, донеся о нем Сталину, минуя командующего фронтом. Сталин же после парада Победы задал Жукову коварный вопрос: "Где же Гитлер?", на который маршал вы нужден был тогда ответить, что такими данными он не располагает.

Всегда привлекала внимание исключительная личная дисциплинированность маршала. Он был пунктуален в выполнении лечебных назначений, предписанного режима, рекомендаций по питанию. Естественно, что и к другим лицам его требования в отношении дисциплины были такими же. Однажды, когда он находился на даче, я опоздал к нему на 5-10 минут. Он встретил меня хмуро, спросил, почему задержался, и в течении довольно длительного времени было видно, что такая неточность испортила ему настроение. Мне стало ясно, что такая недисциплинированность его раздражает.

Касаясь высокой требовательности и якобы жестокости

маршала, следует сказать, что журналистское перо, стремясь усилить впечатление читателя, иногда для большей сенсационности преувеличивает действительность. Отмечал это я и сам.

Об упомянутом выше факте я рассказал однажды в своем интервью корреспонденту одной из центральных газет. Напечатанное в газете выглядело так: "Однажды я опоздал к маршалу на пять минут, и он меня, человека, который облегчал его страдания, принялся распекать в довольно резкой форме" (!). Вот так «правдиво» в печати может иногда передаваться та или иная информация.

Может быть, в оценке этой черты характера маршала права редактор его книги А.Д.Миркина, много лет общавшаяся с ним по работе над рукописью. В своих воспоминаниях она пишет: "Во время тяжелой войны с сильным противником возможна суровая требовательность, но гнев был не проявлением жестокости, а мог быть связан с чувством долга и дисциплины, необходимых для вы полнения боевых задач".

Позволительно и так поставить вопрос: для полководца, человека, руководящего гигантскими сражениями буквально не на жизнь, а на смерть, что предпочтительнее — крутой нрав, высочайшая требовательность, порой безжалостность и беспощадность, или невзыскательность, сговорчивость, терпимость, мягкость?

Да, порой он бывал беспощаден, но к кому? К людям, проявлявшим безответственность и разгильдяйство. Безусловно прав писатель С.С.Смирнов, что: "Любой беспристрастный историк должен признать, что проявление суровости характера Жукова диктовалось полководцу его пониманием своего сурового долга перед родиной и народом и никогда не объяснялось какими-то мелкими личными соображениями, не были порождением властолюбия, жестокости натуры".[9]

Георгий Константинович не был злопамятным, его отзывчивость иногда просто поражала. Наиболее ярким примером этой черты характера являются отношения его с маршалом Коневым.

Известно, что в период обороны Москвы Жуков дважды спас его от кары Сталина, угрожавшей ему неминуемой гибелью. Конев отплатил ему клеветнической статьей в «Правде» (1957 г.), написанной в угоду пришедшему к власти Хрущеву. Спустя годы Жуков простил Конева, явившегося к нему «виниться». Упоминают и о словах Жукова, обращенных к генералу А.П.Белобородову: "Будешь писать, не своди старые счеты. Нехорошо!"[10]

Мне почти не доводилось общаться с первой семьей маршала, я никогда не встречался с его первой женой, однако от людей, близких к нему (Н.А.Антипенко, его жена и др.) часто слышал, как заботлив он был к семье, к дочерям Эре и Элле, как следил за их воспитанием, образованием, как учил их обретать самостоятельность в жизни своим трудом, независимо от высокого положения родителей.

Когда Георгий Константинович был прикован к постели, дочери окружали его вниманием, часто навещали или общались по телефону. В своих воспоминаниях, печатавшихся неоднократно, дочери посвятили немало удивительно теплых строк дорогой им памяти о любимых и любящих родителях.

В течение последних лет я был свидетелем во многом счастливой жизни второй семьи маршала, счастливой благодаря взаимному и глубокому чувству супругов. Галина Александровна была молодой женщиной необыкновенного обаяния, ее лицо, глаза постоянно излучали доброту, желание сделать человеку что-то доброе, приятное. Не какие-то материальные блага, а чистое, благородное чувство лежало в основе ее любви, ее искренней преданности любимому человеку, своей семье.

Много лет работая с Галиной Александровной в одном лечебном учреждении и побывав однажды ее пациентом с нелегким заболеванием, я видел ее душевные качества, ее профессиональный уровень и отлично понимал, почему она пользовалась в коллективе огромным уважением и искренней любовью. Когда Георгий Константинович начал работу над своей книгой, она оказывала неоценимую помощь как ему, так и редактору, особенно в сглаживании нередко возникавших конфликтных ситуаций между автором и консультантами издательства или военными специалистами. В период огромной по объему работы над вторым изданием сама Галина Александровна уже была тяжело больна и буквально сгорала не по дням, а по часам.

Георгий Константинович, несмотря на свой возраст и суровый характер, полюбил свою Галюшу со всей страстью души, полюбил навсегда. Нужно было только видеть его заботу и подлинную нежность в общении с ней, с их дочкой Машенькой. Когда у Галины Александровны появились первые признаки интоксикации, усугубляемые плохой переносимостью тяжелой лекарственной терапии, он страдал вместе с ней. Несомненно, что ее болезнь приблизила и его кончину. Он пережил ее всего на несколько месяцев, которые почти целиком провел в больнице.

О трогательной сцене в последние часы жизни Галины Александровны рассказывает дежурившая в тот день врач

больницы П.Мошенцева: "Галина Александровна, вдруг очнувшись от забытья, показала мне на телефон: "Соедините меня с домом". Я набрала номер. Она тихим голосом сказала в трубку: "Георгий, милый… Мне уже лучше. Не надо за меня беспокоиться. Поправляйся". Я не слышала, что ей ответил Георгий Константинович. Светлая и слабая улыбка проскользнула по ее губам: "Прощай, милый!" Двумя часами позже ее не стало.

Такое обоюдное чувство лежало в основе их союза.

Второй брак маршала состоялся, конечно, в непростой обстановке: развод с Александрой Диевной, давление, оказываемое на Галину Александровну со стороны политорганов — так называемые воспитательные беседы в парткоме, затем в политотделе и в ГлавПУРе, угроза партийным взысканием, увольнением из Вооруженных Сил и др., не могли не омрачать становление новой семьи.

Большая роль в семье принадлежала Клавдии Евгеньевне — матери Галины Александровны. Она была женщиной, умудренной жизненным опытом, с сильным характером. На ней лежали все хозяйственные заботы, особенно в дни болезни супругов. Она самозабвенно выполняла обязанности секретаря-машинистки Георгия Константиновича в годы его творческой работы над рукописью. Только ее руками выполнены тысячи страниц машинописи, других рук просто не существовало. Не случайно автор особо выразил на страницах книги благодарность Клавдии Евгеньевне за многолетнюю и систематическую помощь в под готовке рукописи. И, наконец, на ее плечи легли нелегкие заботы бабушки о рано осиротевшей внучке, с которыми она отлично справлялась многие годы, вплоть до своей кончины.

В заключение хотелось бы отметить, что лечение маршала, проводившееся специалистами Кремлевской больницы, несмотря на недоброе отношение к нему руководителей государства, осуществлялось на высшем и современном для тех лет уровне, исключительно заботливо и неизменно доброжелательно. После отстранения от всех обязанностей в 1957 г. Георгий Константинович был переведен на медицинское наблюдение из «спецполиклиники» в кремлевскую поликлинику более низкого ранга, был заменен лечащий врач, однако это не отразилось на качестве медицинской помощи. С 1967 г. всем лечебным процессом руководил широко известный кардиолог академик Е.И.Чазов при участии ведущего невропатолога страны академика АМН Е.В.Шмидта. Как на дому, так и в стационаре медицинское наблюдение было организовано четко, проводилось высококвалифицированными невропатологами А.П.Работаловым, О.М.Дурылиной, терапевтом В.С.Гасилиным, А.П.Милашенко и

другими. В организации лечения принимал деятельное участие начальник Центрального Военно-медицинского управления генерал Д.Д.Кувшинский.

Совсем по-другому обстояло дело с профилактикой прогрессирования болезни. Как известно, основным направлением профилактики ИБС и других атеросклеротических поражений считается воздействие на так называемые факторы риска, часто лежащие в основе развития и прогрессирования болезни. Многие основные факторы риска у Георгия Константиновича отсутствовали. Он не страдал артериальной гипертонией, нарушениями жирового обмена, сахарным диабетом, не курил, никогда не злоупотреблял алкоголем, всю жизнь занимался физическими упражнениями. Рассказывали, например, что на шестом десятке лет, бывая на Черном море, он совершал такие заплывы, какие не выдерживали сопровождавшие его молодые охранники, а на дачном участке он сам занимался выкорчевыванием пней.

По современным представлениям отсутствие многих факторов риска способствовало в какой-то мере защищенности от болезней века, связанных с атеросклеротическим поражением сосудов. Однако существенную роль в развитии болезни мог сыграть другой фактор риска — насыщенность его жизни неблагоприятными обстоятельствами. Накопленный в мире опыт свидетельствует об огромном значении психосоциальных условий в угнетении защитных систем организма, в образовании сосудистых тромбозов, в развитии атеросклероза сосудов.

Великая Отечественная война была для маршала первым и великим испытанием, успешно преодоленным. По ее окончании он был практически здоров, полон сил и энергии. Начавшиеся в послевоенные годы многолетняя опала, лживые политические и даже уголовные обвинения, создаваемая вокруг маршала гнетущая обстановка в совокупности с другими факторами, входящими в распространенное ныне понятие современной медицины "качество жизни", не могли не способствовать прогрессированию его сердечно-сосудистого заболевания и, несомненно, сократили его жизнь.

Это, пожалуй, и есть тот скорбный врачебный вывод, который можно сделать, рассматривая последний этап жизненного пути великого сына своей Родины.

"Опала" продолжалась еще долго и после кончины маршала. Похороны прошли торжественно, после прощания, прошедшего в зале ЦДСА, и кремации состоялось погребение в кремлевской стене. Дочь Маша обращалась к Брежневу с предсмертной просьбой отца похоронить его в земле, он ответил лишь: "Мы тут

посоветуемся". На похоронах побывали некоторые члены Политбюро.

В пропуске для прохода на Красную площадь в день похорон 21 июня 1974 г. значилось: "…похороны выдающегося советского полководца, одного из активных строителей Вооруженных сил СССР, прославленного героя Великой Отечественной войны, члена КПСС с 1919 г., четырежды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова".

В первые годы после кончины маршала традиционные вечера памяти организовывались общественностью Москвы и его семьей. Они проходили в Центральном Доме литераторов, Доме актеров, в Центральном Доме Советской Армии. В организации их принимали участие Московская писательская организация, Совет Центрального Дома Актера, ветераны Вооруженных Сил. С воспоминаниями выступали маршалы И.Баграмян, С.Руденко, генералы А.Белобородов, Н.Антипенко, П.Батов, Д.Ортенберг, писатели К.Симонов, А.Чаковский, артисты М.Ульянов, Ю.Борисова и многие другие.

Представители высшего эшелона власти на этих вечерах не появлялись, так же как и официальные представители Министерства обороны.

Высоко оценила полководческое искусство Г.К.Жукова Монгольская Народная Республика, на земле которой начал раскрываться его полководческий талант. Уже в 1979 г. в Улан-Баторе, в доме, в котором жил и работал Жуков во время Халхингольских событий, был открыт музей маршала, а затем рядом с музеем воздвигнут солидный памятник. Сам маршал очень ценил присвоенное ему звание Героя Монгольской Народной Республики и говорил, что ему хотелось, чтобы Золотая Звезда Героя МНР осталась бы после его смерти в семье.

Торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, организованный Российским Комитетом памяти маршала, Межрегиональным общественным фондом "Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны", представителями Государственной Думы, Ассоциацией Героев Советского Союза и др. состоялся 1-го декабря 1996 года в переполненном зале Дома Союзов. На вечере выступили с докладом маршал В.Г.Куликов и старшая дочь маршала Эра Георгиевна Жукова.

Учреждение Комитета памяти маршала Г.К.Жукова, сооружение в центре Москвы памятника маршалу, организация мемориального музея на родине маршала и музея-кабинета в здании Министерства обороны, издание ряда монографий о

деятельности Г.К.Жукова и многое другое — все это свидетельствует о том, что многолетней опале великого полководца наступил долгожданный конец.

notes

Примечания

1

Карпов В. В. Маршал Жуков. Опала. Москва, 1994, с. 312.

2

Гордиенко А.Н. Маршал Жуков. Минск. 1998, с. 221.

3

В.Карпов. Маршал Жуков. Опала. Литературная мозаика. Москва, Вече, 1994, с. 183–194.

Еженедельник" Совершенно секретно" N 34, 2001 г.

5

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Москва, 1990, 10 изд., т.1, с.329.

Там же, т.2, с. 107–108.

Там же, с. 219–227.

8

Там же, т.1, с. 341.

9

Смирнов С.С. Маршал-солдат. В кн. Маршал Жуков. Каким мы его помним. Москва, Воениздат, 1988, с. 24.

10

Жукова Э.Г. в кн. Маршал Победы. Москва, 1966, с.173.